

Людмила Смоленская

И о чем-то плакала Японка

Людмила Смоленская

И о чем-то плакала Японка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=20584288

ISBN 9785448308598

Аннотация

Условно жанр романа можно отнести к фэнтези. Героиня переживает кризис среднего возраста. Едет в республику Колгория, где ее ждут увлекательные приключения. В конце книги героиня обретает себя и сожалеет только об одном...

Содержание

1	6
2	8
3	10
4	12
5	15
6	17
7	21
8	24
9	26
10	28
11	29
12	31
13	32
14	35
15	37
16	43
17	44
18	46
19	50
20	54
21	56
22	57
23	61

24	64
25	67
26	68
27	73
28. Этюд о Смерти. Кто боится темы Смерти, может пропустить	76
Конец ознакомительного фрагмента.	77

И о чем-то плакала Японка

Людмила Смоленская

Сей текст посвящается

Ольге свет Васильевне

© Людмила Смоленская, 2016

ISBN 978-5-4483-0859-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Мне сорок два года. Я работаю следователем. Я на хорошем счету у начальства. В нашем РОВД есть коллеги, которые меня уважают. Есть и те, которые терпеть не могут. У меня есть муж. Есть подруги нормальные. У нас есть квартира, дача, машина, гараж. У нас живые родители. Детей у меня нет, но у мужа от первого брака двое сыновей, и у меня с ними в целом неплохие отношения. Я красивая женщина. Благодаря работе на даче, могу позволить себе натуральное питание, понимаю кое-что в травах, держу фигуру. У меня нет врагов среди моего контингента подследственных. Я не «качаю права», не говорю с ними «через зубы», но и не подличаю, не заискиваю. Почти всегда удаётся договориться и расстаться миром. Не грублю, но не оставляю безнаказанной грубость в свой адрес. Выполняю договоренности. Неизбежно поступающие время от времени «коммерческие предложения» на девяносто девять процентов отвергаю, оставшегося одного процента вместе с зарплатой мне хватает на улучшение качества жизни. Начальство ко мне относится неплохо. С непосредственным начальником почти семейные отношения – я прикрываю его запои, он не подставляет меня и адекватен к моим промахам. Заграничный отдых не люблю, предпочитаю дачу.

Казалось бы, жизнь удалась – но это не так. Я не понимаю,

что со мной творится. Я не хочу идти на работу. Я считаю дни до отпуска, отмечая их на своём отрывном календаре уже пять лет, как. И после каждого отпуска всё тяжелей и тяжелей выходить на работу. Приходя домой, я не могу смотреть на свои домашние обязанности – посуду, еду, не глаженое бельё... приходя на дачу, долго смотрю на не прополотые грядки. Я стала очень раздражительна и зла. Мне тяжело общаться вне работы с кем бы то и было. Я разлюбила корпоративы и банкеты. В общем, я не понимаю, что мне надо и что со мной происходит.

2

Этот монолог я произнесла по скайпу перед Ксенией Григорьевной. Наконец, замолчала, в отчаянии кусая губы. Пауза затягивалась. Она подняла на меня глаза и вздохнула.

– Слушай меня, и сделай всё так, как я тебе скажу. Возьми на работе отпуск без содержания на два месяца. Супругу скажешь, что командирована для участия в долгосрочных следственных действиях. Если у него будут вопросы, что вряд ли, – пусть позвонит мне. Сама поедешь в Колгорию.

– Куда-куда? – переспросила я, не веря своим ушам.

– В Колгорию, – спокойно повторила Ксения Григорьевна. И продолжила: – Есть там небольшая деревенька Болдырево. Придешь в сельсовет, скажешь старосте, что ты – народная целительница. И попросишь разрешения снять избу с огородом на сезон. Она укажет тебе на избу и представит тебя жителям. Два месяца будешь решать проблемы людей. Только на таких условиях ты сможешь решить проблему свою.

– Но я ведь не...

– Связь сотовая там работает, я буду тебе помогать.

– Но моя проблема...

– Ты её не понимаешь сама. А значит, будешь видеть свою проблему в каждом, кто к тебе придет.

– Но я... я следователь, а не народный целитель! Если я в чем-то и понимаю немного, так это в судебной медицине...

И если люди ко мне придут за помощью...

– Они её получают. От меня, через тебя. А ты будешь осознать и решать свою проблему. Да, кстати, имей в виду, что в Колгории вообще вера не православная, а нечто среднее между язычеством и буддизмом.

3

Я не сказала Ксении Григорьевне, что слышала об этой деревеньке лет десять назад, когда в моем производстве было дело Вити Буракова, очень авторитетного человека в преступном мире, «смотрящего» одного из северных городов Ямала. Он был задержан за похищение человека. Как-то у нас сложились с ним отношения спокойные, такой был расклад. И в одну из последних встреч я «не для протокола» спросила, прибегает ли преступный мир к услугам экстрасенсов. Было тогда время всяких Чумаков, Джун, Кашпировских, ну вот я и спросила. Витя задумался, а потом просто ответил:

– Да, Лукерья Михайловна, бывает. Есть такая республика, Колгория, и там есть небольшая деревенька – Болдырево, вот туда нам один раз порекомендовали съездить, у нас один кореш потерялся, концов не могли найти.

– И что, нашли?

– Ну да, вышли на одну бабку. Она нам всё точно сказала. Заплатили ей, конечно.

Он помолчал, вспоминая. Потом нервно передернул плечами.

– Только знаете, что мне запомнилось. Даже не удивление от того, что бабка всё точно сказала, в конце концов, мы за этим ехали, мы за это платили, и мы этого ждали. Удиви-

ло то, что как подъезжаешь к этой деревне, сразу охватывает ощущение, что за тобой наблюдают из снайперского прицела, и в любой момент тебя могут убить.

Через неделю, уладив дела с мужем и начальством миром, я отправилась в Колгорию.

4

До Колгорска я ехала поездом около суток в плацкартном вагоне. Моими спутницами были две женщины, молодая и пожилая. Молодую звали Олей, она мало общалась, в основном, смотрела в окно и время от времени плакала. Что ж, не дело между бабами счастливую искать, – так, кажется, сказал Николай Алексеевич Некрасов.

Пожилая назвалась Верой Петровной и всю дорогу рассказывала о младшем сыне и снохе, которые не работают и не учатся, а весь день сидят с двумя компьютерами и «чашку за собой не вымоют». Решила оставить их на попечение друг друга и съездить к старшенькому, благо тот давно её зовёт. Вздыхала: вроде с ним, со старшим-то, была строгой и неласковой, а вот поди ж ты... и сам работающий, и женку себе взял под стать, и детки путными растут...

Постоянно гремела музыка из соседних купе, мешали пьяные разговоры и продавцы мелочёвки на крупных станциях. Решила, что обратно полечу самолетом, чего бы мне это ни стоило.

До Болдырево пришлось добираться на стареньком автобусе. Рейс был ранний, день субботний. Вместе со мной ехали пятеро подростков. Почти дети, лет семнадцати-восемнадцати, худенькие, одетые более чем просто. Когда расселись по местам, я внутренне поморщилась, ожидая шума и нецен-

зурных выражений. К моему удивлению, старший из них уважительно обратился ко мне:

– Женщина, простите, вы куда едете?

– До Болдырево.

– Вы не могли бы разбудить нас в Евстюнихе?

– Я не местная, примерно через сколько это будет?

– Через час.

Из их разговоров между собой я поняла, что дети одновременно учатся и работают, а на выходные едут домой к родителям, помочь в огородных делах. Почему-то стало их жалко. Когда я училась в университете, то я только училась. Не более чем пару раз летом работала в пионерлагере вожатой. Они сразу все уснули, а я смотрела на их бледные утомленные личики, на их натруженные руки и думала...

Вот Ольга из поезда... Вот Вера Петровна... и эти пятеро... Ксения Григорьевна велела всматриваться в каждого встречного. И почему мне всё несчастные и загруженные люди встречаются?

Так я думала, боясь заснуть. Мне очень хотелось разбудить их в Евстюнихе, быть им хоть чем-нибудь полезной.

Поднялась и села поближе к водителю. Дождалась столбика с белой надписью на синем фоне ЕВСТЮНИХА, попросила водителя тормознуть.

Подошла к старшему, прикоснулась к его плечу. Он открыл сонные глаза.

Встретившись со мной взглядом, встряхнулся, поблагода-

рил, негромко крикнул:

– Подъём!

После того, как дети вышли, спать уже не хотелось.

Минут через сорок приехала и я.

5

Болдырево оказалось живописнейшей деревенькой, но отнюдь не заброшенной. Во всяком случае, на каждые полтора десятка домов приходилось пять-шесть коттеджей и одна-две развалюхи.

Здание сельсовета я отыскала по государственному флагу Российской Федерации на крыше из коричневой металло-черепицы. Боязнь, что председательши в связи с субботним днем не окажется на рабочем месте, оказалась неоправданной.

Пожилая, очень полная колготка назвалась Натальей Модестовной. Я сразу обратила внимание на её тяжелое дыхание, красное отечное лицо, неестественную полноту. Сердечница, наверное, ... плюс гипертония.

Сказала, что хотела бы провести здесь отпуск, для чего попросила разрешение поселиться в каком-нибудь из покинутых домов. Спросила, не звонил ли кто о моём прибытии. Она подтвердила, что уже «был звоночек от Ксении Григорьевны» насчет меня и предложила мне избу, в которой осталось всё необходимое для жизни. Печь, удобства во дворе, небольшой огородик...

– Последний хозяин умер? – уточнила я.

– Нет. Бабушка уехала в город к дочери, ей было уже за восемьдесят. А продать не смогли, покупателей пока не на-

шлось. Так что живите, сколько вам надо будет. Вы – народный целитель, как я поняла?

– Д-да... А как... как вы это поняли?

– Дык у нас вся деревня из заезжих народных целителей.

Так что конкуренция у вас будет серьезная.

– Да не будет у меня конкурентов! – вдруг вырвалось у меня. Ваши жители – настоящие народные целители, а я – так, только учусь! У самой болячек много, вот и приехала немного пожить, почитать литературу, пособирать травы, подлечиться. Ну если кто-то придёт с теми же болезнями, что у меня, я, конечно, подскажу, да и копеечка лишняя не помешает, я человек небогатый...

6

Так я стояла и лепетала, а пожилая председательша смотрела на меня непроницаемыми колгорскими глазками и ждала, пока я закончу. Потом спросила:

– Извините, конечно, но откуда вы знаете госпожу Петрову? Она так просила о вас...

Ах, вот что!

Я не могла ответить на этот вопрос. Я и сама не знала, почему Ксения Григорьевна столь внимательна ко мне. Собственно, самого знакомства с ней, как такового и не было. Просто я однажды спустилась в своей конторе этажом ниже к коллеге по какому-то делу, а в кабинете его сидели два Значительных Лица с типичными для Значительных Лиц выражениями в этом кабинете: смесь недовольства, занятости, уверенности в своей правоте и в том, что присутствующие будут рады оказать им услугу.

Начальник отдела, к которому я спустилась, даром услуг не оказывал никому, даже Значительным Лицам, те это начинали потихоньку понимать, и это отражалось усилением неудовольствия от общения. Чтобы подчеркнуть значимость предполагаемой услуги, хозяин кабинета тут же ввёл меня в курс дела:

– Вот, Лукерья Михайловна не даст соврать, ваша, господа, проблема нерешаема.

– А что такое? – из вежливости спросила я. У самой проблем хватало. И пачка уголовных дел в столах.

– Вы, конечно, слышали о Ксении Григорьевне Петровой? Не секрет, что муж её злоупотреблял алкоголем и однажды злоупотребил настолько, что скончался. У них было две квартиры, в одной они жили, а другую – сдавали. Был гараж, машина, дача... Так вот, после смерти мужа вдова сдававшуюся квартиру просто взяла и подарила квартиросъёмщице. Гараж, машину и дачу продала, деньги пожертвовала на строительство новой церкви. Так вот эти господа (начальник отдела сделал в сторону Значительных Лиц лёгкое движение подбородком) настаивают на возбуждении уголовного дела по факту мошенничества, либо о признании сделки недействительной ввиду недееспособности Петровой.

– Слышала я об этом деле, – вежливо сказала я. – Слышала и о том, что Ксении Григорьевне была проведена судебно-психиатрическая экспертиза, и она была признана вменяемой и, как следствие, вполне дееспособной. Следовательно, фактов мошенничества установлено быть не может.

Начальник отдела заглянул в бумаги, принесенные Значительными Лицами, перелистал их и, достав несколько из них, протянул их мне.

– Да, Лукерья Михайловна, действительно, экспертиза подтвердила, что Ксения Григорьевна психически здорова. Как следствие – могла отдавать отчет своим действиям и руководить ими в момент совершаемой имущественной сдел-

ки. Так что... вопрос об открытии уголовного дела по факту мошенничества отпадает.

Значительные Лица, кисло переглянувшись, покинули кабинет.

Поздно вечером у меня в квартире раздался звонок. Звонила сама Ксения Григорьевна. Благодарила за поддержку. Спросила, как у меня дела. Я тогда была не замужем, времени было много, и я стала рассказывать, как у меня дела. Она дала мне несколько ценных практических советов, и дела мои пошли значительно лучше. Я даже замуж вышла. Причем, с будущим мужем встретилась в день её рождения.

Вот, собственно, и всё. Но что объяснять этой бабище?

Я долго рассказываю, на самом деле, воспоминание динамики отношений с «госпожой Петровой» заняло доли секунды. Вслух я промямлила:

– Да столкнулась с ней по работе, оказала ей незначительную услугу, ну и вот как-то... она это запомнила, опекает меня немножко...

– Понятно. – Лицо Натальи Модестовны по-прежнему было непроницаемым. – И еще один вопрос у меня к вам будет. Только не удивляйтесь. У нас в деревне редко кто ходит под своим именем. По колгорским обычаям, даже если человек не колгорец, у него должно быть еще одно имя, для людей. Не паспортное. Ну никто не будет звать вас Лукерьей Михайловной. Может быть, у вас есть какое-то прозвище?

«Лушка-волкодавка», – вспомнила я своё прозвище.

Но быть здесь «волкодавкой» очень не хотелось. И тут мне пришло на ум интересное словосочетание. «Донна Мажептила». Так звал меня один судмедэксперт из наркодиспансера. Мажептил – это какое-то психиатрическое лекарство. Я напрочь забыла, какое, но словосочетание мне понравилось. Я и решила назваться:

– Донна Мажептила.

– Очень приятно. Удачи вам. Осваивайтесь, Донна Мажептила и включайтесь в активную местную жизнь.

Еще раз глянула на меня, перевела взгляд на небо и вздохнула. Выдох прозвучал тяжелым, прерывистым, с нехорошей хрипотцой.

– Целителей до холерской матери, а толку нету...

Так, еще одна проблемная...

Избушка была небольшая. В ограде от меня стрелой метнулась чья-то кошка, только хвост мелькнул серый, с белым кончиком. Небольшая поленница дров в ограде. Стайка пустая. В огороде погреб, рядом небольшая банька и уборная. Несколько заросших грядок, на которых просматривались перышки лука-ботуна, кустики укропа и щавеля. В палисаднике деревца ирги, черемухи, два куста смородины и пара квадратных метров малины.

С некоторым волнением открыла чуть проржавленный навесной замок.

Застекленное крылечко. Темные тени с полочками, уставленные пыльными банками, старыми кастрюлями и еще какой-то рухлядью. Комната и кухня. В кухне слева печь, у печи скамья. Прямо – стол и три табуретки. В левом переднем углу – небольшая лавка и древний буфет, полочки которого покрыты желтыми от времени газетами. Справа – деревянная лежанка. В горнице – треснувшее зеркало на центральной стене, слева и справа по кровати, обе железные с пружинной сеткой. Матрасы, подушки, одеяла были на обеих. Древняя деревянная тумбочка, накрытая кружевной салфеткой. Полуразвалившийся гардероб. Маленький холодильник «Саратов». Видимо, в кухне не нашлось для него места. Включила, и он загудел. Значит, электриче-

ство работает. Замечательно. Вода была в колодце, что в огороде (для технических нужд), и в колонке, что через два дома (для умывания и еды).

Я засучила рукава и принялась за уборку. Где-то до четырех убралась, потом сбегала в магазинчик и купила комплект постельного белья, хлеба, пачку «Геркулеса», соль, сахар, бутылку подсолнечного масла. У входа в магазин женщина со славянской внешностью торговала карасями. Я попросила взвесить штук пять.

– Надолго к нам? – поинтересовалась продавщица.

– На пару недель, а там – как понравится.

– А ЧТО вы лечите?

Я внутренне вздрогнула. Действительно, как это мы с Ксенией Григорьевной не обговорили такой простой вопрос. ЧТО отвечать-то???

– Я пока ничего не лечу, я пока устраиваюсь. У меня может и не получится ничего, я из начинающих... Да и вообще... МЕНЯ бы кто полечил, – вдруг вырвалось у меня.

– Тогда вам надо к Марселю Назыровичу, он вон в том коттедже живет уже пятый год. К нему все начинающие ходят. Он очень добрый и умный.

Я оглянулась. Коттедж, на который показывала аборигенка, был богатым, добротным, трехэтажным. Не чета моей развалюхе. Хорошо, что я не завистливая.

– Красивый дом. Наверное, у хозяина большая семья.

– Семья-то большая, но приезжает вся сюда нечасто. Го-

стоят по двое-трое. Он богатый, с севера приехал, уже пенсионер. Всю жизнь врачом проработал. Его здесь сильно уважают.

8

Калитка отворилась, и в проёме показался высокий без признаков полноты пожилой мужчина с пакетом в руках. Подошёл к нам, поздоровался с продавщицей:

– День добрый, Тася! Карасики-то свежие?

– Конечно, Марсель Назырович! Взвесить?

– Давай пару килограммчиков, супруга с дочерью сегодня приезжают.

– Доча-то поди с кавалером?

– Нет, – расстроено сказал Марсель Назырович. – Умница, красавица, уж двадцать восемь лет, а кавалеры как-то не получают...

– Ничего, нынче и в тридцать пять выходят, и успевают и ребятишек нарожать, и дом построить!

Марсель Назырович горестно махнул рукой. Посмотрел на меня и снова мягко улыбнулся.

– Давно у нас?

– Да вот, только сегодня приехала. Прибралась более-менее, за едой пошла.

– Что ж, удачи вам на новом месте! Простите, не спросил, как же вас зовут!

– Донна Мажептила. А если серьезно – то Лукерья... Лукерья Михайловна.

– Это вы хорошо сказали «если серьёзно». Если несерьёз-

но – то меня зовут «Париж-Дакар». Будем знакомы.

Вечером, поужинав, я перевела дыхание от пережитого напряжения дороги и новых знакомств. Пора подводить итоги. В конце концов, следовательно я или нет?

Ксения Григорьевна велела мне распознать свою проблему. И сделать это с помощью встреченных мною проблемных людей.

Проблема плачущей Оли – скрытность. Вагонные разговоры ни к чему не обязывают, а облегчение и информацию дают неслабую. Да, признаю, я – скрытная.

Вера Петровна воспитала безответственного лоботряса. Надо подумать, не слишком ли балую я своих юных племянников, крестников, мужа.

Дети из автобуса совсем не имеют времени для отдыха и соответственных своему возрасту развлечений. Тоже моё.

Наталья Модестовна запустила своё здоровье. Моё.

Марсель Назырович печалится о своей дочке... а здесь в чем проблема? Да, поняла. Проблема в том, что есть женщины, которые замуж не выходят не потому, что не берут, а потому, что не хотят. Ведь точно Тася сказала: «Нынче и в тридцать пять выходят»... Стоп! Подозрительно точно, ведь я-то вышла замуж именно в тридцать пять! Отвлеклась. Итак, проблема Марселя Назыровича (и моя) в непонимании того, что есть вещи, которые решаются сами собой. И наше

дело – спокойно позволить событиям развиваться естественным образом.

Какая непривычная тишина за окном. Не зря всё-таки меня зовут Лушкой-волкодавкой – мне не страшно одной в пустом домике, на новом месте. Может быть потому, что и в кухне, и в комнате я повесила фотографии Ксении Григорьевны. На фото в кухне она стоит на фоне выстроенной на её деньги небольшой церкви. А на фото в комнате она стоит под сильным ветром, но стоит крепко, одной рукой опираясь на трость, а другую чуть приподняв, и чувствуется в ней великая сила, и нет такого ветра, что согнул бы её.

И глядя с железной кровати на эту фотографию, я вдруг вспомнила Витю Буракова и аж села:

Он же говорил о каких-то неприятных ощущениях типа «на прицеле у снайпера»! И где тот «снайпер»? Просмотрел меня, что ли?

Интересно, почему? Может, во сне увижу ответ? Говорят, так иногда бывает.

10

Но вместо снайпера с автоматом мне приснилась японка.

Настоящая японка, молоденькая, в шелковом кимоно с драконами, веером и стеснительной улыбкой.

Она молча стояла возле кареты, запряженной четверкой лошадей, выглядывала из-за веера, и в прекрасных глазах её в свете растущей луны блестели слезы.

Потом как-то незаметно растаяла вместе с веером, каретой, лошадьми, и до самого подъёма я спала без сновидений.

Первой ко мне пришла колгорка из соседней избы. У неё распух большой палец левой руки.

Выглядела немножко испуганной.

– Наталья Модестовна, сказала, что вы – целительница, а вот сейчас теплицу с сыном сбивала, он мне молотком по пальцу попал, так что делать?

Месяц назад я тоже повредила себе палец левой руки, раскладывала тяжелый плед на сушке в лоджии, одно неверное движение – и сушка сложилась так, что застрял палец. Было настолько больно, что я испытующе заглянула в лицо колгорки, но оно было спокойно. Или я не умею читать местные лица.

– Вам больно? – не удержалась я от вопроса.

– Да, – ответила она. – Но муж уехал на заработки, и нам с сыном надо обязательно закончить теплицу. Вы мне скажите, что делать, чтоб быстрее прошло.

Я начала было говорить, что нужно обернуть опухоль капустным листом, выпить обезболивающую таблетку. Подняла на неё глаза, но взгляд мой скользнул выше и уперся в глаза Ксении Григорьевны. И я замолчала. И вдруг сказала совсем не то, что хотела:

– Забудьте про теплицу на неделю, как минимум. Примите обезболивающую таблетку, и пусть вас сын немедленно

везет в травматологию. Сделают рентген, и будет вам точная информация о возможности перелома.

– Да некогда нам... теплицу доделывать надо.

– Как вас зовут?

– Дилором... Диля...

– Диля, вы всё равно к этому придете к утру. Ночью боль разыграется со страшной силой. Лучше ехать сейчас, чем в два часа ночи. Езжайте!

Очень неохотно уходила. Даже оглянулась два раза у калитки в нерешительности. Но утром я снова увидела её на пороге. Рука её была зашинурована и перевязана.

– Спасибо вам. У меня оказался сложный перелом какой-то косточки. Если б вы не надоумили меня ехать сразу в больницу, не знаю, что б со мной ночью было... Сколько я вам должна?

– Да ладно...

– Ну тогда вот вам гостинцы!

И она выложила на стол несколько яиц, два пирожка и кулек с домашним творогом.

Я сглотнула слюну.

Начало было положено.

12

От рождения мне мало было свойственно чувство страха. Ксения Григорьевна объясняла это тем, что в моем роду по линии матери, была очень сильная молитвенница. Благодарь сохраняется до потомков седьмого колена.

Мои коллеги удивлялись моему самообладанию в достаточно сложных ситуациях, и я не могла им объяснить, что среди живых родственников «крыши» у меня нет.

Я уверенно чувствовала себя и днем, и ночью, и в своем служебном кабинете, и на вызове, и один на один с крутым адвокатом, с высоким начальником, и даже с вооруженным преступником. И никому не признавалась, что подобное поведение было следствием не самодисциплины и жесточайшего самовоспитания, а интуитивным знанием, что мой час смерти еще не пришел.

О своём бесстрашии я упомянула не для того, чтоб похвастаться.

Не зря серьёзный представитель преступного мира зябко передернул плечами, вспоминая свой визит в эту деревню. Обстановка в этой деревне была действительно странная.

Выходишь за ограду и погружаешься в какую-то морось. Как бы это объяснить по-русски...

Однажды мы с мужем ездили к его родственникам в Орловскую область. По дороге заезжали к его деловым партнерам по производству железок для сельскохозяйственной техники.

Так получилось, что одно из предприятий, изготавливающее эти железки, было в паре десятков километров от всемирно известной православной обители – монастырского комплекса. Уладив дела, мы заехали в монастырь, устроились в гостинице для паломников, утром позавтракали в трапезной, немного постояли на службе и решили ехать дальше.

Но муж почему-то не поехал вслед за паломническими «Икарусами», а решил сократить дорогу с помощью взятого с собой дорожного атласа.

Уже через десять минут следования мы поняли, что заблудились. И попали куда-то не туда. Конец апреля, только

что была температура под тридцать, я даже ветровку сняла. А здесь, где мы ехали, вдруг стало холодно, и в лесу на обочинах дороги показался грязный снег.

Когда стали показываться деревни, было такое ощущение, что мы попали в середину тридцатых годов прошлого века. Такие же домики, так же одеты люди, машин не стало вокруг...

У меня вдруг заныла голова в правом виске. И было еще одно ощущение, что все какие-то сонные. Медленные и сонные люди без выражений лица, сонные дворняги, не слышно птиц, которые в конце апреля особенно радуются весне.

Повинуясь интуиции, я попросила мужа остановиться и спросить у первого встречного, правильно ли мы едем. К удивлению мужа, пожилой мужчина сказал ему, что указанного в атласе населенного пункта, после которого следует выезд на федеральную трассу, поблизости нет. И как выехать на федеральную трассу, он не знает. Мы ехали дальше, наконец попалась заправка. Я знала, что на заправке всегда точно знают, что и где расположено. Но и заправщик сказал, что ни одного из указанных в атласе населенных пунктов здесь нет. И повторил, что не знает, как можно выехать к федеральной трассе.

У меня было впечатление абсолютной нереальности происходящего. Так не бывает, так просто не бывает. И опять сработала интуиция, подсказавшая, что нужно искать дальнобойщика, чтобы выбраться из этого морока. Я взмолилась,

чтобы нам попалась хоть какая-нибудь иногородняя машина. И небеса услышали мою молитву. На дороге остановилась фура с самарскими номерами, из кабины вышел мужчина лет тридцати и открыл капот.

Муж подошел к нему и спросил, как отсюда выехать, и что здесь вообще происходит. Мужчина рассмеялся и ответил, что мы заехали в зону «закрытых городков», ранее называемых «почтовыми ящиками», названия придорожных пунктов в этой зоне не совпадают с названиями в географических атласах, а жители строго проинструктированы никому никаких справок не давать. Объяснил мужу, как отсюда выехать. У моего мужа хорошая пространственная ориентация, объяснения он воспринимает легко.

Через двадцать-двадцать пять минут мы выехали из этой зоны на федеральную трассу. Снег на обочинах дороги исчез, послышалось пение птиц, люди во встречающихся деревнях были обычными живыми людьми. Перестала болеть голова. Но остался вопрос, где же мы были?

И вот теперь, в этой деревеньке с названием Болдырево меня охватило уже знакомое впечатление тягучего морока. Какой-то пелены на глазах и в мозгах. В этой пелене я забывала, что я – жена и мачеха, что я – следователь, что мне сорок два года, что меня зовут Лукерья Михайловна.

Интуиция подсказала мне держаться за что-нибудь крепкое, и ничего более крепкого, чем образ Ксении Григорьевны, у меня в мыслях не нашлось.

До обеда я старалась работать дома и в огороде. Вскопала грядки, Дилия мне носила рассаду и цветы. Так у меня оказались посаженными несколько корней огурцов, помидор, капусты, пара георгинов и любимые мною анютины глазки. Успела посадить немного петрушки, моркови, свеклы, пастернака и сельдерея.

Прибиралась, трапезничала в одиночестве, про работу не вспоминалось.

После обеда выходила прогуляться до магазинов, покупала какие-нибудь необходимые в хозяйстве мелочи, оглядывала дома, наблюдала жителей.

С Марселем Назыровичем при встрече здоровалась, и мне был очень приятен этот спокойный человек. Мне даже казалось, что он выделял меня именно потому, что и я ему казалось адекватной на фоне остальных жителей. И жительниц. Они и в самом деле были колоритны.

Гламурные барышни, молодые люди в одежде неформалов разных направлений. Татуированные снизу доверху крепкие мужчины со следами обильных алкогольных возлияний на помятых жизнью лицах, пожилые дамы почему-то либо очень худые, либо полные почти как Наталья Модестовна, в самых разных одеждах от сарафанов до бриджей.

Доброжелательных взглядов на меня было немного. Друг

на друга смотрели оценивающе, как на конкурента. В зависимости от успехов – либо высокомерно, либо заискивающе. Иногда встречалось деланное равнодушие. Деланное, потому что каждый был заинтересован в каждом.

Раз в месяц сюда приезжали «покупатели» – представители разных агентств нетрадиционной медицины с коммерческими предложениями. И Наталья Модестовна указывала на самых посещаемых целителей. Кроме того, каждый из претендующих на карьеру целителей обязан был пройти как бы внутреннюю аттестацию – то есть набрать у своих коллег не менее десяти положительных отзывов. Всё это и составляло внутреннюю жизнь деревеньки.

И мне предстояло в этом разбираться и как-то вписываться.

На следующей неделе произошло много встреч и событий.

Ну, во-первых, ко мне пошел народ.

Сначала Диля привела за руку урёванную колгорку.

– Луша (мы уже звали друг друга по имени), я сказала Мыдыгме, что ты хороший целитель, помоги ей.

Я напряглась.

– Что случилось, Мыдыгма?

Пока та всхлипывала и сморкалась, Диля пояснила, что сын Мыдыгмы арестован по подозрению в убийстве, а безутешная мать вместо того, чтобы что-то делать, четвертые сутки не ест, не спит, а только плачет. Попросила меня «дать какую-нибудь травку попить», чтоб та успокоилась.

Я отправила Дилю, усадила несчастную перед собой, и стала задавать ей профессиональные вопросы по поводу сына. Процедуру допроса я давно научилась вести в разных стилях. Здесь я расспрашивала её в сочувственном стиле, и та потихоньку успокаивалась, стала меньше всхлипывать, в глазах появилась некоторая осмысленность, речь становилась более членораздельной.

Через десять минут мне уже была понятна фабула дела. Я достала из сумочки ручку, вырвала из блокнота листок и под запись продиктовала пошагово необходимые действия. Я по опыту знала, что когда человек пишет жизненно важ-

ный текст, у него в мозгах включаются какие-то отвязывающие механизмы. После этого напоила гостью чаем со смородиновым листом. Уходила такая адекватная, что мне аж самой понравилось. Договорились, что после каждого исполненного пункта она будет приходиться ко мне с отчетом.

Закрыв за Мыдыгмой дверь, обратилась взглядом на фотографию Ксении Григорьевны. На её лице мелькнула лёгкая улыбка. Или мне показалось?

После этого ко мне стали заходить чуть ли не ежедневно женщины, с похожими проблемами. Каждую я поила чаем из выросших по сезону трав, каждую выслушивала и каждой диктовала юридически грамотное решение проблемы. У одной сын затерялся, уехав в город учиться; другую бывший муж обидел при дележе имущества; третью милый друг бьёт смертным боем, – во всех случаях меня выручало юридическое образование и длительный стаж работы.

Во-вторых, однажды утром, когда я поливала помидоры, мне позвонила Наталья Модестовна.

Поинтересовавшись, как я обжилась на новом месте, и услышав ответ, что всё нормально, вот в огороде копаюсь, со сдержанным недовольством заметила:

– Да-да, некоторые предпочитают отсиживаться в своём огороде, а надо бы активнее вливаться в жизнь коллектива.

– Я пока осматриваюсь, Наталья Модестовна!

– О вас хорошие отзывы, народ к вам тянется, вы умеете грамотно построить диалог с клиентом, у вас располагающая

внешность и красивая речь, кроме того, у вас широкий кругозор.

Еще бы я не умела владеть богатством родного языка, я, двадцать лет только и занимавшаяся тем, что строила диалоги с адвокатами, потерпевшими, подозреваемыми, свидетелями, судьями, судмедэкспертами, начальством, коллегами! Я, годами тщательно выбиравшая каждое слово в юридических документах, зная, что из-за одного неверного слова грамотный адвокат свернёт всю мою доказательную базу на нет!

Меня зацепило в её словах другое.

Буквально вчера в магазине она ТОЧНО ТАКИМИ ЖЕ словами уговаривала Сест-рицу Аленушку – гламурную девочку лет девятнадцати:

– Аленушка, Сестрица, о вас такие хорошие отзывы, народ к вам потянулся, вы умеете грамотно построить диалог с клиентом, у вас располагающая внешность и красивая речь, и кроме того – ваш широкий кругозор! Вам нужно как можно быстрее включаться в нашу жизнь!

Зарумянившаяся Сестрица Алёнушка таяла, и бормотала в смущении:

– Ой, ну что вы...

А когда я платила пару дней назад в бухгалтерии сельсовета за электроэнергию, я слышала, как к ней зашла почти одновременно приехавшая со мной Михаила Боярская, ей тоже староста преподнесла точно такую же тираду, завершив её просьбой активнее вливаться в жизнь коллектива поселе-

ния.

Я видела, что и Сестрица Алёнушка, и Михаила Боярская полностью поверили старосте.

Сделала выводы. Уточнила в телефон:

– А в чём должна выражаться моя активность?

– Ну вы же знаете, что человек, делающий карьеру народного целителя, должен пройти внутреннюю аттестацию, набрать не менее десяти положительных отзывов от коллег. Вы здесь человек новый, и перспективный, клиенты вами тоже очень довольны. Сообщаю вам, что у вас уже есть один положительный отзыв от коллеги, за вас сдал свой голос Париж-Дакар. А целитель, получивший один голос от коллег, получает вместе с ним право тоже голосовать за своих коллег. Я просто могу вам подсказать, за кого нужно голосовать, ведь вы мало общаетесь, еще не определились, не осмотрелись.

Я молчала, с трудом сдерживая нарастающую злобу. Почему я должна объяснять, что мне не нужна карьера народного целителя, мне не хочется никаких баллов и никакой тусовки, я приехала копать в огороде и в проблемах своей жизни.

Воспользовавшись моим молчанием, староста сообщила, что мне присвоена квалификация целителя душевных ран, еще раз призвала быть более активной, а не отсиживаться в своём огороде.

– И запомните: целитель, который предоставит свидетель-

ства об излечении пятнадцати человек, получит рекомендацию бесплатно участвовать в телешоу «Битва экстрасенсов»! – торжественно закончила она.

Разговор мне очень не понравился.

Но как бы то ни было, раз Париж-Дакар, он же Марсель Назырович, дал право голоса, признал за мной право считаться народным целителем, по правилам хорошего тона я должна поблагодарить его.

Я позвонила ему.

Но и здесь меня ждал неприятный сюрприз. Как только я начала его благодарить за оказанную им высокую честь, он прервал меня словами:

– Вы казались мне более искренней, Донна Мажептила.

– Я вас не обманываю, я очень рада вашей рекомендации, вы первый человек, кото-рый мне поставил балл...

– Вы сказали мне, что никогда не занимались народным целительством. Но тогда каким образом вы определили сложный перелом фаланги пальца? Откуда у вас тонкое знание психотехники вывода человека из состояния острой депрессии? Вы всё-таки медик. Меня просто интересует ваша специализация. Терапия? Неврология?

– Да следовательно я, следовательно со стажем, а те, кто ко мне приходили, имели проблемы, связанные с моей профессией. Перелом у Дили я пережила сама, поэтому сразу отправила ее в травматологию...

– Хочется вам верить, – тихо сказал он. В его голосе

слышалось сомнение, недоверие и некоторое разочарование в моей порядочности.

Обидно. Я не хотела с ним портить отношений. Мне нравился этот человек.

16

Ночью мне опять приснилась плачущая японка.

На этот раз она была без лошадей и кареты, и драконы на кимоно были меньше размером и более темного цвета.

Над веером сверкали глаза, наполненные слезами.

Лёгкий ночной ветер шевелил складки ткани. Тихо шуршала листва над головой.

Мы смотрели друг на друга и молчали.

Потом она исчезла.

Утром посетителей не было, после поливки огорода, вышла прогуляться за хлебом.

На пороге магазина столкнулась с белым, как лунь старцем. У него был пронизательный взгляд, огромная длинная седая шевелюра и столь же огромная седая борода.

– Гляжу новая жительница у нас. От скуки приехала, от скуки.

Меня аж затрясло. Тебе бы, старый хрен, такую «скуку». Вампир, плятть, ждёшь, что я сейчас визжать буду, а ты моим гневом подпитаешься и проживешь на этой земле лишний месяц. Ведь баба я нервная, раздражительная, в гневе много энергии трачу. Я раскрыла рот, чтобы всё это ему высказать, но перед моим взором встала Ксения Григорьевна. И я как-то обмякла. Взяла себя в руки. Лучезарно улыбнулась и почему-то вспомнила Игоря Северянина, которого любила в студенческом возрасте.

Самолучшее средство от скуки

Ваш изящный ландо-шевроле.

Я люблю ваши смуглые руки

На изогнутом белом руле.

Брови старика поехали вверх. Вне всякого сомнения, он знал Северянина. Ого, какой интеллигентный дедушка мне

тут встретился!

– Ах Зизи, Зизи, как тебе себя не жаль, – пробормотал он и отвернулся.

Видимо, это тоже цитата, но я не знала, откуда.

– Меня зовут Донна Мажептила, – представилась я ему в спину.

– А меня – Викентий Иванович. Я не приемлю ваших кличек и не играю в ваши игры. Если захотите пообщаться – третья изба слева. Но поторопитесь, я 1930 года рождения.

Сложное чувство меня охватило. Уж я-то знаю, что такое смерть. И я просто сказала, без всякого выпендрежа:

– Поживите еще, Викентий Иванович. Ваш творческий ресурс далеко не исчерпан.

Он обернулся. Слабая, но очень приятная и удивительно человеческая улыбка тронула его губы.

– Спасибо! И вам – не хворать.

Вот оно как всё вышло! Как хорошо-то, что у меня хватило выдержки не разораться.

Вечером позвонила Наталья Модестовна и сказала, что на мой счет поступил еще один балл от Викентия Ивановича. Поступление балла мотивировано моим «умением оперативно определять энергетический потенциал клиента».

– Быстро вы пошли в гору, Донна Мажептила. Вы, наверное, всё-таки, профессиональный медик. Или курсы целителей заканчивали. Впрочем, не моё дело.

Еще одна сомневающаяся. Ну и ладно.

Тот вечер был удивительно тихий. Я уже предвкушала, как поужинаю, сделаю пару звонков (один – коллеге, другой – мужу), соберусь с мыслями и чувствами и постараюсь подвести хоть какие-то итоги своего пребывания здесь. Но – не пришлось.

Кухонные окна у меня открыты настежь, поэтому я услышала, как скрипнула калитка, и приятный мужской голос в такт своим шагам замурлыкал на мотив «Цыплёнка жареного»:

Я кровожадный,
Я беспощадный,
Я злой разбойник Бармалей.
И мне не надо
Ни шоколада,
Ни мармелада.
А только ма-лень-ких детей!

Я встала со стула, включила электрочайник и приготовилась к встрече гостя.

На пороге возник высокий стройный паренек лет двадцати трёх-двадцати пяти, в джинсах и клетчатой рубашке на выпуск, из-под коротких рукавов которой вились затейливые узоры тату. Снял тёмные очки. На обаятельной подвиж-

ной мордашке живые карие глаза, улыбка – одной половиной лица. В ранней юности я была влюблена в одного парня, который умел улыбаться так же обаятельно и тоже одной половиной лица... впрочем, я отвлеклась.

Привалившись к дверному косяку, гость представился Юрой и весело спросил:

– Работать приехала, старая кошелка?

Так. Ещё один претендент на мой истерический визг. А визжать-то искренне не хочется! Во-первых, я действительно не молода, а во-вторых... ну может я уже по работе соскучилась... Будто в свой следственный кабинет вернулась. Даже чем-то родным повеяло. В общем, решила помолчать и дать высказаться ему до конца. Обижаться или не обижаться на «кошелку» – определюсь по ходу ситуации.

Как и следовало ожидать, режиссурой пауз парень не владел. Решив, что я в шоке от такого наезда, сразу приступил к делу.

– Да уже пробили тебя, ты – следачка, но это не имеет значения. Хочешь лохам мОзги парить своим целительством – парь. Будешь отстегивать десять процентов. Мне. Я на этой территории смотрящий.

Раз гость пришел не для чаепития, я протянула руку и выключила электрочайник.

Паренёк помял в кулаке очки, вроде как надеть и раскланяться, но тут взгляд его скользнул по моей груди. Лето, са-

ми понимаете, сарафанчик на мне открытый... хоть и старой кошелкой приложил, но...

Я не успела додумать, что «но», потому что услышала:

– Сама территория под Жорой Гюрджаном, так что православием тут беспредельничать не рекомендуется!

Оп-па, приехали! Крестик мой нательный узрел, значит... А я, понимаешь, хотела размечтаться!

И сколько инфо сразу! Если бы он позиционировал себя только «смотрящим», то, как говорится, возьми свою десятину и уходи, но насчет Гюрджана я немножко в курсе. Более точными словами, чем у любимого мною с детства автора «Конька-горбунка», о таких и не скажешь.

Прорицатель, ворожей,
Чернокнижник и злодей.

Продолжая молчать, я бросила короткий взгляд на портрет Ксении Григорьевны. Лик её был сурово-спокоен.

Юра оторвал свою спину от дверного косяка и проследил за моим взглядом. Увидев Ксению Григорьевну, узнал. Нахмурился, достал сотовый, нажал кнопку и через секунду доложил:

– Дядьжор, ет я, Юра. Тут одна кошелка недотраханная под Петровной ходит, дак чё? ... Угу, понял!

Убрал телефон в карман. Выпрямился.

– Ладно, телка, пасись пока!

Надел очки, развернулся – ушел, так и не услышав от меня

ни одного слова. И ему не показалось это ненормальным.
А ведь вроде не дурак.

Пару минут я сидела, переваривая послевкусию визита. Потом встала за сотовым телефоном, чтобы позвонить Ксении Григорьевне. И опять не успела. Видимо сегодня мне был определён вечер открытых дверей.

Скрипнула калитка, и я увидела, как мимо окна, переваливаясь с ноги на ногу, медленно прошествовала Наталья Модестовна. Я поспешила ей навстречу.

Было видно, что ей очень тяжело идти. Тем не менее, она захотела посмотреть, как я «распорядилась посежными площадями». Обошла огород, молча глядя на мои посадки. Зашла в избу – осмотрела сени, кухню, горницу. Потом тяжело опустилась на стул и спросила чего-нибудь холодненького попить. Я принесла ей из холодильника полбутылки местной минеральной воды.

Когда подносила воду, расстояние между нами было минимальным, и я ощутила исходящий от её тела запах пота, смешанный с запахом тяжёлой болезни. На моих руках умирала бабушка, в последние две недели своей жизни она пахла именно так.

Действительно, ведь полная деревня целителей, неужели Наталье Модестовне нечем помочь? Ей же не более шестидесяти пяти...

Сделав пару глотков, она подняла на меня отекавшие глаза.

– Что ж, Донна Мажептила, умеете организовать вокруг себя пространство, ставлю вам за это балл.

Я сдержанно поблагодарила. Она явно не собиралась уходить, что означало: пришла с чем-то более существенным, чем наградить меня баллом.

Пауза затянулась. Но это был не тот случай, когда пауза была нужна. Поэтому я спросила:

– А Марсель Назырович за что мне балл поставил? Если не секрет, конечно.

– Не секрет, – без улыбки ответила она. – К вам обратилась ваша соседка, а вы послали её в больницу. На это способны единицы в нашем поселении. Девяносто процентов здешних так называемых специалистов стали бы навязывать Дильке свои методы лечения. Марсель Назырович оценил ваше нежелание корчить из себя крутого целителя. Вы удовлетворены?

– Какой из меня целитель, – пожалала я плечами.

– Как знать, как знать... Я, собственно, к вам с разъяснительной беседой и с приставкой.

Наталья Модестовна поставила стакан с недопитой минералкой на стол.

И я услышала следующее.

Как только новоявленный целитель получает три балла, ему полагается приставка к его компьютеру, с помощью которой он может наблюдать за жизнью в поселке. Число об-

зорных зон определяется количеством набранных баллов.

Оказывается, весь поселок нашпигован видеокамерами. Включая рабочие кабинеты каждого целителя. В моей избе жившая до меня бабушка принимала клиентов в кухне, значит, «моя» видеокамера где-то над столом. Или над порогом. Как говорят молодые мои коллеги, «фигас-се»...

– А что вы хотите? – вскинула полувыцветшие брови Наталья Модестовна, – ведь не все же такие сознательные, как вы! Мне еще уголовщины здесь не хватало! Всякой там крови некрещеных младенцев, волос с трупов и тому подобных мерзостей! Со всего мира сюда едут, глаз да глаз за всеми нужен! Ну и потом, когда оценивают коллеги, должны же они видеть, как вы работаете!

– А почему вы решили, что я буду работать с клиентом под видеокамерой? А если я уйду с клиентом, допустим, на крыльцо?

– А как тогда вы докажете, что у вас хорошая посещаемость? Все заинтересованы в том, чтобы каждый клиент попадал в камеру. Чем больше клиентов попадет в камеру, тем больше вы будете стоять, как целитель!

С тремя баллами мне предоставлялась возможность наблюдать за закуской «Перспектива», где за столиками общаются мои так сказать коллеги.

Когда Наталья Модестовна меня покинула, я посмотрела на часы. Учитывая разницу во времени, мужу и на работу звонить поздно. А Ксения Григорьевна разрешала связы-

ваться с ней в любое время суток, чем я и воспользовалась.

Она не спала.

Я долго рассказывала ей, что так же, как и дома, я ничего не успеваю, что у меня нет времени побыть наедине с собой. Что драгоценное время одиночества, как и дома, поглощает бытовуха. Приготовление пищи, мытьё посуды, стирка, поливка и прополка огорода, приём клиентов, визиты, подобно сегодняшним. А по ночам еще эта безмолвная и плачущая Японка...

– Молчит и плачет, Ксения Григорьевна, молчит и плачет...

Я улыбнулась, приглашая и её улыбнуться над абсурдностью ситуации странного сна, но Ксения Григорьевна заговорила со мной без улыбки:

– Ты – следователь, Лукерья, – так она меня звала. – Ну и расследуй, кто она такая, что привело её к тебе, почему она плачет.

– Так она же Японка, а я – славянка! На каком языке с ней разговаривать? – я упорно пыталась свести разговор на шутку, а моя собеседница упорно не хотела поддерживать шуточный тон.

– В снах все друг друга понимают. Ты, главное, заговори с ней.

Я обещала. На этом мы распрощались. Я пошла сполас-

Кивать ноги и стелить постель.

Во сне почему-то шел дождь.

Японка стояла под своим зонтиком, который был слишком маленьким, чтобы уберечь от его струй края одежды. Они медленно набухали и смешивались с раскисавшей вокруг её ног землёй.

Формат сна не позволял мне чувствовать холодную влагу дождя, но если рядом со мной человек дрожит от горя, страха или холода, то мне тоже становится некомфортно.

Кивком головы я пригласила её в избу.

Она поклонилась и последовала за мной.

Я торопилась налить ей чаю с травами, поэтому шла, не оглядываясь и не закрывая за собой дверей. Зайдя на кухню, включила свет и чайник. Слышала сзади шелест, ну значит, идёт, не потерялась – и ладно. Звук отодвигаемого за моей спиной стула расценила, как то, что она села.

Вернулась закрыть за ней двери, ведущие в сени. И только повернулась к ней лицом, как в памяти вспыхнуло ёмкое молодёжное слово «фигас-се!».

Мало того, что на стуле сидела современная женщина без всяких там кимоно, зонтиков, намокших туфель, так возле её ног еще и расположился дымчатый дратхаар и дружелюбно постукивал хвостом об пол.

Я уставилась на неё, она – на меня. Дратхаар коротко тявкнул.

– Тихо! – вполне по-русски скомандовала ему она. – И добавила мне извиняющимся тоном: – Вот, увязался...

Пока закипал чайник, мы рассматривали друг друга. Не скрою, мне хотелось, как на работе, взять бланк протокола и начать: «Фамилия... имя... отчество... год рождения... адрес... судимость... что у вас произошло... не будем тянуть время, я вас внимательно слушаю...». Но ведь не на работе же я. И вообще я не в этом мире, а типа на пространствах сновидения...

От японки в ней остались только глаза цвета темного меда, и еще что-то неуловимое в манерах – какая-то ласковая покорность судьбе, сдержанная аккуратность движений, – сидит вот, собаку поглаживает.

Молодая женщина лет тридцати, густые каштановые волосы, в белых бриджах и темно-желтом топике. На правой руке обручальное кольцо, замужем, значит. Что ж, пора как-то знакомиться.

– Меня зовут Лукерья Михайловна, – начала я. – Можно просто Луша.

Дратхаар поднялся, встряхнулся всей шкурой и подал мне лапу. Фантастика! Я очень люблю животных, поэтому пришлось сбегать в горницу и достать из холодильника сосиску. Сосиска была принята с благодарностью.

Когда я посмотрела на гостью в ожидании услышать её имя, то увидела, как глаза её наполняются слезами.

– Я не знаю, как меня зовут. Или не помню... – прошептала она.

– А как вы сюда попали?

– Тоже не знаю... Я легла спать, и меня вынесло к вашей калитке... простите...

Я оглянулась на портрет Ксении Григорьевны. Японка проследила за моим взглядом и почтительно спросила:

– Это ваша мама?

– Это – больше, чем мама.

– Я понимаю. Это Богиня вашего народа, как у нас Аमत-

эрасу...

Я задумалась. Однако интуиция подсказывала мне, что думать некогда, нужно торопиться. Поэтому поспешила вернуться к идентификации личности.

– Я так поняла, что вы – японка.

Гостья кивнула. Уже легче.

– Что вы вообще можете о себе рассказать?

– Я замужем, у меня есть сын, и вот он, – кивнула она на собаку. – Мой муж намного старше меня. Он мало бывает дома, его жизнь принадлежит службе императору. Я – мать. Я – дочь. Я – супруга большого человека. Я – хозяйка большого дома. Я – подданная императора великой страны. Но это только частички меня. Кто я НА САМОМ ДЕЛЕ? Где я ВСЯ? Почему я одинока, как косточка в персике? Я много думала об этом в последнее время, но не могла ни до чего додуматься. Тогда я спросила у богини Аматаэрасу, и после этого меня стало по ночам приносить к вашей калитке... Значит, здесь ответ на мой вопрос. Ведь в наших сказаниях говорится, если два человека сошлись под сенью ивы, значит это неспроста, значит крепко связаны они кармой минувшей жизни...

За окном где-то пропел петух...

Гостья засмушалась...

– По вашим законам, меня унесет после третьего крика петуха. Мне пора...

Я вышла проводить её. Пока шли по ограде, – петух про-

пел второй раз. Исчезла собака, и к моей гостье вернулся японский антураж. Вышли за ограду – она снова была безмолвной Японкой с зонтиком и в намокшем от дождя кимоно.

Под нестройный хор третьих петухов Японка растаяла.

Утром я вспомнила этот сон до малейших деталей. Потопилась на кухню в надежде увидеть недопитый чай, кожуру от сосиски, но ничего не было. Посуда убрана, чайник – холодный. Открыла холодильник. Вот вчера купленные мои полкило сосисок. И как узнать, стало ли их на одну меньше. Мне не пришло в голову ничего более умного, чем сходить в магазин и перевешать.

Наскоро полив свои грядки, позвонила Мыдыгме, обсудила с ней по телефону тактику и стратегию её поведения на сегодняшнюю поездку к адвокату сына, переделалась в свой любимый сарафан, взяла кулек с сосисками и двинулась к магазину.

Сарафанчик шила моя подружка Галка, работавшая искусствоведом в картинной галерее нашего города. На розовом фоне мелкие ярко-красные розочки, в тон им лямки и оборки. Я взяла этот сарафан с собой, потому что он хранит тепло Галкиных рук. Я чувствую себя в нём уверенно.

В магазине работают продавщицы сутки через двое. Вчера работала Нафуса, сегодня должна быть смены Саули. Я не успела придумать повод для перевешивания сосисок, решив, что определюсь по ходу ситуации.

Открыв дверь, я увидела за прилавком вчерашнюю Нафусу. Что ж, такое бывает, местные часто подменяют друг

дружку.

У прилавка стояла Михаила Боярская и о чем-то шепталась с продавщицей.

Между нами говоря, Михаила мне не понравилась с первого взгляда. Я уже упоминала, что здесь никто никому не нравился, почти все видели друг в друге конкурентов. Михаила – крепенькая невысокая женщина, позиционировала себя, как врач-сексопатолог для мужчин. Судя по её рекламке, предлагала для восстановления потенции комплекс лечений от психотехнических приёмов до травяных настоев. Клиентов у неё было немного, да и те, кто были, постоянными не становились. Как приехавшая одновременно со мной, она попыталась наладить какие-то дипломатические отношения, но я, будучи человеком самодостаточным, не очень-то в них и нуждалась.

– Вы ничего не берёте? – спросила я Боярскую и, стгорая от нетерпения, бросила кулек с сосисками на весы.

Узкие колгорские глазки продавщицы постепенно расширялись. Я смотрела на весы. Стрелка весов остановилась на четырёмсот сорока граммах! Йесс!!!

– Вы что, хотите сказать, что я вам продукт недовесила? – Нафуса обрела дар речи.

– Я хочу сказать, что теперь у меня есть веские доказательства пропажи из моего холодильника одной сосиски!

Продавщица переглянулась с Михайлой.

Это меня несколько отрезвило.

– Понимаете, у меня была клиентка с собакой, я вышла в сени на секунду, пришла, а на столе одна шкурка от сосиски. Нет, мне, конечно, не жалко, я и сама бы собачку угостила, но за моей спиной, без моего разрешения...

Колгорка успокоилась, зато пальчики Михайлы в возбуждении затарабанили по прилавку, а по губам пробежала легкая дрожь. Ей явно хотелось кому-нибудь немедленно поведать, как Донна Мажептила из-за одной сосиски припёрлась в магазин, и кто она такая после этого.

Неприятно, конечно. С другой стороны – смешно.

Придя из магазина, я забралась с ногами в горнице на постель и погрузилась в раздумья.

Итак, Японка. Её проблема – поиски целостной себя. Но ведь это не ново.

На первом курсе «юрфака» у нас для общего развития был факультатив зарубежной литературы. Преподавала пенсионерка, Надежда Ивановна, профессионал, каких теперь нет. Мне запомнился ибсеновский «Пер Гюнт». Парень ходил и искал себя, а нашёл только в памяти Сольвейг. Знаете, почему я вспомнила именно этот сюжет? Я уже упоминала, что замуж я вышла в тридцать пять лет. За одноклассника. Мы случайно с ним встретились при расследовании одного уголовного дела. Когда он увидел меня – был изумлен до чрезвычайности.

– Лушка, – сказала он мне в тот вечер.– Ты писала самые классные сочинения, в том числе, о тургеневских девушках. Ты сама была тургеневской девушкой. Я помню тебя с огромными серыми глазищами, с романтическими стихами на школьных вечерах, ну ни-как твой образ не сочетается с твоей теперешней речью, с твоей суровой работой...

Я вышла за него замуж в том числе и потому, что он столько лет хранил в душе мой образ.

Ксения Григорьевна наказывала мне, чтоб в проблеме

каждого встреченного человека я искала свою. И вот – Японка.

Что же это получается, люди?

Что я потеряла СЕБЯ?

Что счастье моё – не только в работе, не только в семье, не только в хороших надёжных подругах, не только в относительно сохранившемся в моём возрасте здоровье, а в чём-то еще?

Так а что, я одна что ли такая, потерявшая себя? Да каждый первый! Да та же Михаила, что она – настоящая что ли? Небось в юности ранней без ума была от артиста Боярского, мечтала о любви к отважному безбашенному красавцу-мушкетёру... Да здесь все, носящие имена-клички, не цельные люди. Ну если только этот старец Викентий Иванович, да Марсель Назырович. И то его «Париж-Дакар» явно переключается с его «Марселем» и страстью к автогонкам. Не удивлюсь, если этот доктор – отличный водитель. Ну так опять – где же цельность? Ведь врач и водитель – это две большие разницы.

Никто меня не беспокоил в кои-то веки, телефон молчал, с Мыдыгмой я договорилась в первой половине дня, поэтому часов до шести я сидела и размышляла о своей и чужих жизнях.

Так же, как Японка, я подумала, а где – Я? Не только жена, не только подруга, не только грамотный работник, в чём Я, как Человек? Если Я – это интеграция частичек, то ЧТО их

тогда объединяет в целостный образ? И какая основная характеризующая черта этого моего целостного образа? Не из-за потери ли этой основной черты, которая, несомненно, должна указывать на основную магистраль моего дальнейшего жизненного пути, я здесь оказалась? Вопрос этот явно был глобальным и судьбоносным. Ай да Японка!!! Ай да Японамать!

От таких напряженных мыслей захотелось перекусить.

Пошла собирать на стол нехитрый ужин. Пока ела, интуиция вдруг подсказала мне, что, когда возникают глобальные судьбоносные вопросы, они всегда сопровождаются нестандартными и энергозатратными событиями.

Запила эту мысль душистым чаем. И вот тут-то раздался телефонный звонок. Интуиция меня не обманула. Энергозатратные события не замедлили себя ждать.

– Лукерья Михайловна, подойдите, пожалуйста, в администрацию, – узнала я голос Натальи Модестовны.

Судя по тому, что меня назвали моим паспортным именем, со мной опять что-то не так.

Надела свой красно-розовый сарафанчик и отправилась, благо вечера в Болдырево теплые, кофта не нужна. Голос Натальи Модестовны ничего хорошего не предвещал, по дороге я настраивалась на тяжелый разговор. В моей жизни, в том числе, в моей трудовой деятельности, было немало тяжелых разговоров, поэтому я особенно не переживала, тем более, что грубых косяков за собой не чувствовала.

Она сидела одна в своём кабинете, явно была чем-то расстроена. Мне показалось, что не я причина её плохого настроения, что моё дело – какое-то проходное, текущее, с которым ей надлежит меня познакомить – закрыть и забыть о нем, и заняться своими проблемами. Наверное, обострение болезни, – подумала я. Или кто-нибудь из обитателей чего накосячил.

– Садитесь, Лукерья Михайловна, – кивнула она на стул возле своего, стоящего буквой «Т» стола.

Я присела.

– Ко мне поступила информация, что клиентка без вашего ведома взяла с вашего стола пищевые продукты и употребила их без вашего на то согласия.

Я облегченно вздохнула.

– Да ладно, Наталья Модестовна, я уже и забыла об этом! Подумаешь, какая-то сосиска! Стоит ли из-за этого огород городить!

– Дался вам ваш огород, – досадливо скривилась Наталья Модестовна. – Сидите в своем огороде и не утрудились ознакомиться с правилами для клиентов! Ставлю вас в известность, что если клиент замечен хотя бы один раз в подобном проступке, он попадает в черный список для всех народных целителей Болдырево. У нас было немало прецедентов, по-

сле которых у целителей пропадали деньги и ценные вещи, поэтому и пришлось разрабатывать жесткие правила.

Я озадачилась.

– Назовите, пожалуйста, фамилию, имя, отчество клиента для внесения его в черный список.

– Это – женщина... она приехала ночью и не представилась, – неуверенным голосом сказала я.

Наталья Модестовна не удивилась.

– Да, анонимных клиентов в последнее время все больше и больше, на них-то рейтинг наших целителей и держится... Что ж, давайте посмотрим видеозапись, разошлём потом её по нашим труженикам.

Пальчики-сардельки Натальи Модестовны забегали по клавиатуре компьютера, а мне стало совсем мутно.

Я была в более чем дурацком положении. Сейчас она найдет видеозапись минувшей ночи в моей квартире и увидит, что никаких клиентов у меня не было. И как тогда быть с пропавшей сосиской? Что делать-то?!

Нашла. Просмотрела. Еще раз просмотрела. Подняла на меня глаза.

– Лукерья Михайловна, вот слева пачка листов белых, возьмите один... вот ручка, проверьте, пишет или нет... Короче, пишите объяснительную. На первый раз вам серьезное предупреждение, второго предупреждения не будет. При повторном нарушении этического кодекса народного целителя вы в двадцать четыре часа собираете вещи и покидаете наше

поселение.

– По поводу чего я должна писать объяснительную? – на всякий случай уточнила я.

– На видеозаписи вы покидаете кухню, возвращаетесь с сосиской и сами угощаете ею собаку. Наутро публично при двух свидетелях обвиняете клиентку в воровстве. Такие вещи недопустимы. Объясните, почему вы так поступили.

Я не поверила своим ушам.

– Позвольте мне глянуть видеозапись!

Наталья Модестовна была слишком опытным руководителем, чтобы не заметить, как изменился мой голос, как я вообще среагировала на создавшуюся ситуацию.

– Да, пожалуйста. Перейдите сюда ко мне и смотрите.

Я встала, перешла к Наталье Модестовне, снова встала совсем рядом с ней и ощутила запах больного тела. Но мне было не до сантиментов. Какая нахрен запись?! Это был сон!

Но на экране компьютера сидели две тётки. Точнее, сидела одна, на стуле, с ласково-меланхолической улыбкой взирая, как другая на корточках с умильным выражением лица скармливает довольному дратхаару бледно-розовую сосиску. Картина маслом.

Я вернулась на своё место в полной растерянности. И задумалась.

Конечно, в моей уголовной практике были дела с мистическим налетом. Ну, например, дело Яны Черемисиной, молоденькой девочки из небольшого Ямальского городка.

Девчонка из благополучной очень обеспеченной семьи, отличница. Спортсменка-лыжница. Никогда не состояла ни на каком учете – ни у психиатров, ни в инспекции по делам несовершеннолетних. Доброжелательная, целеустремленная, все характеристики положительные. Собиралась поступать в строительный ВУЗ, ходила на подготовительные курсы. Вышла замуж в семнадцать лет, а в восемнадцать познакомилась со мной в качестве обвиняемой в жестоком убийстве своей свекрови, на теле двадцать два ножевых ранения. Убийство не отрицала. Рассказала, что её свекровь – ведьма. Что может превращаться в ворону. Что, видя богатство её родителей, приворожила Яну к своему сыну. Что папа был категорически против её брака, тем более в 17 лет, тем более, с парнем из проблемной семьи. И ведьма публично пригрозила ему смертью, если он не изменит своего мнения. Папа Яны скончался от перитонита через двое суток после этого разговора. После положенных сорока дней траура молодых повезли в ЗАГС. А потом Яна пару раз застала свекровь в постели со своим мужем, а с её, значит, сыном. Ну вот и убила. Отомстила и за папу, и за себя.

Рассказ был настолько нелеп, что Яну отправили на судебную комплексную психолого-сексолого-психиатрическую экспертизу. Результат нулевой, экспертиза не нашла у Яны ни психического заболевания, ни склонности к фантазированию, ни сексуальных проблем.

Это я вам долго рассказываю, на самом деле всё это про-

мелькнуло у меня в долю секунды. На допросах, видя явное мое недоверие, Яна однажды сказала:

– Вот когда сами окажетесь в моём положении, тогда вспомните меня, Лукерья Михайловна.

Ну вот я и вспомнила.

Наталья Модестовна внимательно наблюдала за моим лицом. И видимо пришла к какому-то выводу. Потому что попросила меня положить ручку и рассказать всё поподробнее.

– Вы не производите впечатления неадекватной идиотки.

– Боюсь, что вы мне не поверите... – осторожно начала я.

– Начинайте рассказывать, там видно будет. Я здесь много каких невероятных историй слышала...

Ну да. Ну да. И всё же...

– На вашем месте я бы тоже не поверила...

– Да не приведи Господь вам на моем месте оказаться! – занервничала Наталья Модестовна. – И не тяните время, у меня его мало!

Опять на болезнь намёки? Ладно, была не была.

И я начала рассказывать про Японку.

– Вот значит как, – задумчиво произнесла она, когда я закончила. – Значит, вот как. Теперь понятно, почему бабка Зарефа так резко рванула в город к дочери, и почему после неё в вашей избушке никто не мог жить больше двух-трёх суток.

– С этого места, пожалуйста, поподробнее, – попросила я, считая, что имею полное право на такую информацию.

– В другой раз. Сегодня у меня проблемы, я и так засиделась тут с вами, да и темно на дворе.

– Нет, позвольте! – возмутилась я. – Так нечестно! Вы, значит, знали, что моя изба для проживания непригодна, и молчали! Уж будьте так любезны объяснить!

Наталья Модестовна явно не собиралась объясняться, да и не успела бы, потому что за окном раздались звуки подъехавших автомобилей. Эти звуки подозрительно напомнили мне, когда на нескольких автомобилях к месту происшествия подъезжают три-четыре экипажа ОМОНа.

Скорость, резкое торможение и хлопанье дверок.

Быстрые четкие шаги, вот распахивается дверь кабинета, и врываются два кренделя в строгих черных костюмах и темных очках. Что за дела?

Я в недоумении оглянулась на Наталью Модестовну. Она побледнела и пыталась резко выдернуть из-за стола своё пол-

ное болезненное тело, но застряла. Губы её дрожали, со лба катились мелкие бисеринки пота. Мне стало её жаль.

Я уже понимала, что бойцы приехали не по мою душу, и не боялась.

Вслед за парнями вошел невысокий худой человек лет сорока пяти, которого я сразу же узнала в силу медийности его личности.

Это был президент республики Колгория Сабир Имранович Жанзаков.

Наталье Модестовне удалось наконец выбраться из-за стола и поспешить навстречу высокопоставленному гостю.

– О, Великий Колгор..., – начала она, но Сабир Имранович оборвал её резкой репликой на колгорском языке, и она рухнула перед ним на колени.

Жанзаков не посмотрел на меня, не произнес ни звука, но один из его телохранителей двинулся в мою сторону явно не с добрыми намерениями.

– Я ухожу. Я ничего не видела и не слышала, – спокойно сказала я и направилась к выходу.

Я ошиблась. Сабиру Имрановичу явно нравились женские истерики, спокойствие не устраивало его ни в коей мере. Как в сельской частушке:

Меня милый разлюбил,
Я пошла, запела,
Он догнал и напинал,

Чтобы заревела.

Телохранитель вышвырнул меня за дверь, как ведро с мусором. Я упала с невысокого крыльца на небольшую кучку щебня, больно ударила коленку. От злости и унижения хотелось реветь. Одно утешало: фонарь у администрации по каким-то причинам не работал, сумерки уже сгустились, значит, моего унижения никто не видел.

Кое-как поднявшись, я заковыляла к своей избушке. Потихоньку боль проходила, и моя походка выравнивалась. На следующей улице фонари были в полной исправности. Я шла прогуливающимся шагом, зная, что меня может наблюдать любой народный целитель с помощью своей «приставки». Скользила взглядом по обочине в поисках листка подорожника, чтоб приложить к кровоточащей коленке. Найдя, остановилась, нагнулась, сорвала. Дома приложу.

Выпрямилась. И вдруг, впервые за всё время пребывания в Болдырево, ощутила на своем затылке то, что рецидивист Витя Бураков обозначил фразой «как на прицеле у снайпера». И этот снайпер был именно по МОЮ душу, потому что меня пронзило ледящим холодом Смерти.

28. Этюд о Смерти. Кто боится темы Смерти, может пропустить

Не в силах двигаться, дышать, разговаривать, соображать, я оцепенела от страха.

Нельзя сказать, что я не была готова к смерти. Последние два-три года я на кладбище бываю в среднем пару раз в квартал. Постоянные похороны. То одноклассников (автокатастрофа, онкозаболевание, пара несчастных случаев, одно убийство), то однокурсников (та же самая статистика), то своих и мужниных родственников.

Почему так рано? А кто его знает. Каждый раз, приходя на кладбище, я внутренне ужасаюсь тому, как быстро оно разрастается. Вроде бы недавно хоронили Стаса, а Олеськина могила уже будет через два ряда от Стасовой. Прошлась по этим двум рядам – даты жизни и смерти указывают, что человек прожил совсем немного – двадцать-тридцать-сорок лет. Почему людям не живется?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.